

К И Р И Л Л
Патриарх Московский
и всея Руси

Собрание трудов

Серия III

БОГОСЛОВИЕ
И ДУХОВНОЕ
ПРОСВЕЩЕНИЕ

Том 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
МОСКВА • 2014

УДК 252
ББК 86 372
К431

ВЫСТУПЛЕНИЯ
НА РОЖДЕСТВЕНСКИХ И ИНЫХ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЧТЕНИЯХ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ РОЖДЕСТВЕНСКИЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЧТЕНИЯ

СЛОВО НА III МЕЖДУНАРОДНЫХ
РОЖДЕСТВЕНСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЧТЕНИЯХ¹

23.01.1995

Приветствую всех участников Рождественских чтений! Считаю, что эти чтения, дающие возможность встретиться и обменяться опытом, являются чрезвычайно важными.

Позвольте сказать о том, как я понимаю проблемы, стоящие сегодня перед Церковью в области религиозного образования. Я думаю, что, говоря о перспективах такого образования, нужно обязательно учитывать духовное и культурное состояние, в котором находятся наше общество и Церковь. При любом планировании деятельности мы всегда должны исходить из исторического, духовного и культурного контекстов. Более того, если мы будем игнорировать их, наши планы могут стать несбыточными, а программы «повиснут в воздухе».

Какова же главная отличительная черта нашей истории и культуры? Главное в том, что мы семьдесят с лишним лет жили в условиях господства атеистической идеологии. Прошло несколько лет после крушения атеизма. Мы о нем не часто вспоминаем, но все мы пока в том прошлом — и верующие, и неверующие — все общество. Мы выросли из этого прошлого. Тоталитаризм держал в идеологических

КИРИЛЛ, Патриарх Московский и всея Руси

К431 БОГОСЛОВИЕ И ДУХОВНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ. Собрание трудов. Серия III. Том 1. — М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2014. — 544 с.

ISBN 978-5-88017-447-8
ISBN 978-5-88017-451-5

© Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви, 2014

¹ Смоленские епархиальные ведомости. 1995. № 7. С. 10–24.

тисках и систему образования, и культуру, и общественные отношения. Нельзя игнорировать этот факт, и из него можно сделать два важных вывода.

Во-первых: что это значит для религиозного образования? Семь десятилетий атеистического господства привели к краху безбожной системы. Причем это был крах не мировоззренческий, а бытовой: люди поняли, что тоталитарная идеология — в общем, весьма логичная, стройная, убедительная — не привела к тем практическим результатам, которые декларировала. Осознание пропасти, лежавшей между декларацией и реальностью, и привело к крушению тоталитарной системы.

Но что такое тоталитаризм? Это духовное явление, распространяющее свою власть на всего человека. Почему я говорю «духовное»? Потому что тоталитаризм не только поработал человека в его практической, профессиональной деятельности, но простирал свое господство и на его сознание, волю, чувства. Таким образом, когда тоталитарная система рухнула, люди оказались духовно обнаженными, а общество стало переживать глубочайший кризис. Не было никакой опоры, никакой поддержки — все рухнуло.

Естественно, что после падения прежней идеологии всякий нормальный человек стал искать альтернативу. А что было альтернативой атеизму с мировоззренческой точки зрения? Если там атеизм — то здесь теизм, религия. И вот что стало происходить: люди, разувверившиеся в атеистических доктринах, резко повернулись в противоположную сторону. Этот поворот сопровождался не критическим восприятием любой религиозной доктрины. Логика была очень простая: если атеизм привел к краху, значит, религия приведет к чему-то положительному. При этом наши соотечественники в течение семи-десяти с лишним лет не получали практически никакого религиозного образования — ни систематического (кроме духовных учебных заведений), ни самостоятельного (поскольку религиозные книги были под запретом). Полное отсутствие религиозных знаний на фоне поиска мировоззренческой альтернативы привело к незащищенности людей перед любой религиозной проповедью. Проповедь религии, проповедь о Боге стала восприниматься как нечто безусловно положительное и не подлежащее критике. Именно эта ситуация привела к тому, что в страну хлынуло бесконечное количество чужеродных

проповедников, и к безудержному увлечению оккультизмом, теософией, магией, спиритизмом. В этом — одна из причин губительного развития сектантства и парарелигиозных явлений.

Если говорить вообще о феномене сектантства и парарелигиозности в нашей стране, то я глубоко убежден, что эти заблуждения проистекают в первую очередь из незнания собственной православной веры. Думаю, что совершенно ничтожно число людей, перешедших из Православия в секту. И, наверное, среди этих людей нет ни одного, кто имел бы православное образование. Приведу такой пример: однажды я встретился с простой русской женщиной, которая стала меня убеждать в том, что самым светлым, самым возвышенным религиозным учением является «Сознание Кришны»¹. А потом выяснилось, что Евангелие она не читала, в церковь заходит, но ничего там не понимает. Другими словами, стало совершенно очевидно, что эта женщина, а значит, и многие другие, приняла учение «Сознания Кришны» не в результате внутренней борьбы, поиска, сопоставления Православия и кришнаизма, а в результате чистой случайности. Человек столкнулся с кришнаитской общиной и, не имея никаких знаний в области религии, с легкостью, некритически воспринял первую попавшуюся религиозную проповедь.

Если человек меняет убеждения в результате внутренней борьбы, подвига, изучения, сравнения, делает выбор, допустим, в пользу кришнаизма и уходит из Православия, можно о нем сожалеть, можно за него молиться, переживать, но надо уважать его внутреннее бореие, в результате которого он, хотя и избирает ложный путь, но делает это сознательно. Однако ужасно, когда нет никакой борьбы, никакого сравнения, никаких знаний, и человек избирает первый попавшийся путь.

Этот соблазн можно предотвратить образованием. Сказанное совсем не значит, что мы покушаемся на свободу совести в школе. Нет! Но мы должны сделать наших соотечественников просвещенными

¹ «Международное общество сознания Кришны» (также известное под названиями Движение Харе Кришна) — религиозная организация, основанная бенгальским монахом Бхактиведантой Свами Прабхупадой в 1966 г. в г. Нью-Йорке. Основной духовной практикой его последователей (известных как кришнаиты) является киртан — коллективное пение имен Кришны, в особенности в виде ведической мантры «Харе Кришна».

в области религии. Человек должен приобрести способность отличать добро от зла и сознательно делать свой выбор.

Теперь о втором опасном последствии атеистического прошлого для нашей образовательной работы и для внутренней жизни Православной Церкви в целом. Иногда приходится сталкиваться с удивительными явлениями: неверующий человек поражает своим жутким суеверием и обрядоверием. Откуда это? — Это тоже результат отсутствия религиозного образования. А все наши увлечения НЛО, инопланетянами, экстрасенсорикой, псевдоцелительством... И это тоже плоды неспособности отличать правду от лжи, понимать и видеть смысл религиозной жизни. Все это будет продолжаться и нарастать в нашем обществе, если мы не начнем программы религиозного образования в самом широком, общенациональном масштабе.

Отсутствие религиозного образования создает трудности и для самой Церкви. Приходит вчерашний атеист в храм и превращается в так называемого неофита. К сожалению, среди интеллигентных людей, принимающих Православие, нередко развивается ужасное обрядоверие. Это — результат отсутствия религиозных знаний. И это весьма опасно, ибо мы переживаем сейчас период количественного увеличения Церкви. Например, в Смоленске на Крещение только в кафедральном соборе побывали более 100 тысяч человек, то есть треть населения города. Что произойдет, если эта масса новоприсяжных будет религиозно непросвещенной? Это может изменить, исказить лицо Церкви. И это произойдет, если новообращенные привнесут в церковную жизнь суеверия, косность, религиозный формализм. Поэтому религиозное образование становится совершенно необходимым фактором для внутренней жизни Церкви. Оно может иметь и конкретные социальные последствия, потому что сегодня в нашем обществе Церковь — это не меньшинство.

В ходе разговора о значении религиозного образования для общества я хотел бы сформулировать несколько основополагающих для меня истин.

Религиозная мотивация является основной в нравственном воспитании личности, ибо религия предполагает абсолютность нравственных норм. Но в современных условиях мы не должны сбрасывать со счетов и гуманистическую мотивацию морали, так как для многих людей нерелигиозных убеждений именно такая мотивация

нравственности останется действенной. Иногда хотят столкнуть эти два подхода к нравственности — религиозный и гуманистический, — подобно тому, как хотят искусственно столкнуть Церковь и культуру.

Мы должны помогать тем, кто воспитывает нравственность на основе общих гуманистических принципов. Секулярный гуманизм (хотя мы с ним — как верующие люди — можем быть не согласны по существу) на мировоззренческом уровне воспитывает человека в высоких нравственных стандартах и потому является для нас союзником. Об этом нужно сказать неверующим преподавателям, которые боятся нашего прихода в школу. Мы не начинаем клерикализацию общества. Мы вместе с теми, кто борется за нравственный облик молодого человека, кто старается спасти наше юношество.

А спасать есть от чего. Я глубоко убежден, что у нас нет кризиса общества, а есть кризис личности. Если бы имел место кризис только социальной структуры — у нас были бы проблемы исключительно в социальной сфере. А у нас общий, тотальный кризис — и политический, и экономический, и социальный, и экологический... Какую сферу ни возьмем — везде кризис. Это свидетельствует о нравственном кризисе личности. И пока не будет преодолен этот кризис, мы никогда не будем иметь ни хорошей политики, ни хорошей экономики, поскольку в условиях свободы главной и определяющей для человека является нравственная мотивация.

Вот почему совершенно очевидно, что без преодоления нравственного кризиса личности мы не сможем выйти на прямую дорогу в нашей общественной жизни, никогда не преодолеем преступности. Преступность есть не только сугубо социальное явление, ее корни — в нравственной болезни человека. То же самое в области экономики: она никогда не перестанет быть мафиозной, пока не изменится человек, пока он не поймет, что, воруя, он обкрадывает самого себя. Никогда у нас не будет политической стабильности, пока не появятся политики, которые перестанут говорить одно в момент предвыборной кампании, а потом с легкостью отказываться от своих слов и делать прямо противоположное. Этот перечень можно продолжать до бесконечности... Но надо понимать, что в основе всех пагубных явлений — нравственный кризис личности, преодолеть который можно только мобилизовав все силы. И в этой мобилизации главная роль

должна принадлежать Церкви, особенно ее передовому отряду — тем, кто работает в области религиозного воспитания молодежи.

Теперь о том, как мне представляется развитие религиозного образования в нашей Церкви. Система здесь уже выстроилась, но необходимо далее совершенствовать религиозное образование по линии воскресных школ, по линии преподавания религии в государственных и муниципальных средних и высших учебных заведениях и, наконец, по линии создания собственно церковных общеобразовательных учреждений. В каждом из этих трех направлений сегодня обнаруживаются проблемы.

Возьмем воскресную школу... Приходская школа, которую мы с энтузиазмом начали возрождать, — дело очень непростое. Рассмотрев зарубежный опыт, можно сказать, что, хотя почти все дети в западных странах и проходят через воскресные школы, но в церковных общинах остается очень небольшой процент. Так что сама по себе воскресная школа — это не панацея от всех бед. Она не может автоматически воспитать человека. Видимо, важно соблюсти некоторые условия, при которых воскресная школа будет действительно воспитывать нравственность и религиозность. Есть объективная трудность: воскресная школа работает в выходные часы и дни. Ребенок же устроен так, что для него досуг — всегда нечто желанное, он хотел бы провести его так, как ему хочется. А здесь в свободное время появляется дополнительная нагрузка! Для того чтобы посещение воскресной школы стало желанным, она должна меньше всего напоминать ребенку об обычной школе, об учебном процессе. Здесь должно быть больше разнообразия, больше фантазии.

Воскресная школа должна быть местом отдыха ребенка, местом «разгрузки», но проходящей не в вакууме, а в условиях, формирующих у детей религиозные убеждения.

Наблюдения за работой воскресных школ в Западной Европе и США привели меня к следующим выводам. Воскресная школа в западных неправославных приходах работает во время богослужения. Иногда даже в современных церковных зданиях помещение воскресной школы отгорожено от храма стеклянной стеной, чтобы дети видели, что происходит в храме. Меня это всегда смущало, мне казалось, что здесь есть нечто искусственное, ибо воскресная школа призвана не просто сообщать сумму знаний, но приобщать ребенка

к живому, реальному религиозному опыту. Если ребенок этого опыта не получит, у него в сознании будет некий разрыв между воскресной школой и Церковью. Этот разрыв он унесет в будущее. Многие из детей, посещающих западные воскресные школы, не становятся активными верующими, так как школа не формирует, не воспитывает в них живого религиозного опыта. Мне кажется, что участие ребенка в молитвенной жизни христианской общины, в Святой Евхаристии есть неперемное условие воцерковления. Именно в этот момент ребенок получает опыт живой связи с Богом, а мы, как верующие люди, должны свидетельствовать, что в этот момент он получает дар Божественной благодати. Если мы отделим благодатное воздействие Церкви, ее святых Таинств от процесса воспитания, то получим людей, знающих, что такое Православие, знающих содержание Священного Писания, но не имеющих религиозно-нравственного стержня.

По моим наблюдениям, происходит некий спад интереса к воскресным школам. Приведу вам снова пример Смоленска: мы начали создавать воскресные школы в 1989 году. Сначала школу при соборе посещали около 1000 человек, потом эта цифра сократилась до 600, а в этом году — до 200 человек. Конечно, этот спад можно объяснить и появлением альтернативных способов получения религиозных знаний, о которых я скажу позже. Может быть, это происходит и потому, что прошел первый интерес, — первая реакция всегда бывает бурной. Но в любом случае проблема воскресной школы заключается в том, что на ребенка ложится дополнительная нагрузка.

Очень важной формой работы с детьми является преподавание религии в средних учебных заведениях, государственных и муниципальных. И одной из причин, по которой у нас в Смоленске сократилось посещение воскресных школ, является то, что за последние годы нам удалось значительно расширить систему религиозного преподавания в средних учебных заведениях. Из 35 школ города в 27 постоянно преподается Закон Божий. В этих школах обучаются несколько тысяч детей, и такая форма обучения при соблюдении некоторых условий сегодня может быть особенно эффективной.

Первое условие: некоторые работники народного образования, к сожалению, воспринимают факультатив как занятие, которое нужно проводить непременно во внеурочное время. Но факультатив совсем

необязательно должен проходить в субботу вечером или в воскресенье. Более того, если мы сделаем преподавание религии факультативным и вынесем этот факультатив за сетку учебных часов, мы потеряем наших детей. Каждый из нас учился в школе и знает, что ребенок, даже самый прилежный, всегда ждет окончания занятий.

Существует мнение, что надо прекратить преподавание религии в средних государственных и муниципальных учебных заведениях. Сейчас идет подготовка нового закона о свободе совести, и в отношении этого пункта ведется самая напряженная борьба. Те, кто хочет законодательно запретить преподавание религии в средних учебных заведениях, чаще всего используют весьма благовидный аргумент: мол, Православная Церковь не успевает прийти в среднюю школу, а вместо нее приходят сектанты, западные проповедники, последователи Муна¹. Нельзя допустить этого, нужно отсеять западных проповедников, миссионеров, восточных мистиков от школы. Аргумент ложный, и вот почему. Дело в том, что в основу нашей Конституции заложен принцип свободы совести. Это очень важный принцип, и я являюсь последовательным сторонником его осуществления. Но что предполагает принцип свободы совести? Он предполагает возможность свободного самоопределения личности. Если социологически посмотреть на российское общество, то 80 % населения крещены в Православной Церкви. Это означает, что 80 % нашего общества — православные. Когда ребенка крестят, восприимчик дает торжественное обещание воспитать этого ребенка в православном духе. И если 80 % детей, принадлежащих к Православной Церкви, желают изучать Православие, — они должны иметь такое право. В Финляндии, к примеру, если 10 человек в классе исповедуют ту или иную религию, государство берет на себя материальную ответственность за преподавание этой религии. И мы должны сделать так же. Долг государства, если оно декларирует принцип свободы совести, — обеспечить эту свободу, а значит, заплатить преподавателям за уроки.

Принцип свободы совести — прекрасный принцип. И всякая попытка вывести из законодательства упоминание о преподавании религии есть попытка его нарушить, фразеологически прикрываясь

¹ Мун Сон Мён — южнокорейский религиозный деятель, основатель и лидер нового религиозного движения «Церковь объединения».

необходимостью его реализации. Считаю, что участники Рождественских чтений должны обратиться в Думу с просьбой законодательно поддержать преподавание религии в государственных и муниципальных учебных заведениях. Без такого преподавания мы не сможем обеспечить широкомасштабного воспитания молодежи. Для того чтобы масштаб преподавания основ Православия соответствовал количеству крещеных православных в нашей стране, мы должны требовать от парламента законодательно обеспечить наше участие в образовательном процессе¹.

Весьма опасная тенденция — преподавание в школах так называемого «Религиоведения». Знакомство с людьми, которые преподают этот предмет, убеждает меня, что это вчерашние профессиональные атеисты. Может быть, человек, вчера преподававший атеизм, сегодня и изменил свои убеждения и стал верующим — ведь Господь *может даже из камней сих соделать детей Аврааму* (Лк. 3, 8), — но пугает массовость. Кроме того, когда я слышу, что «Религиоведение» сегодня преподают бывшие атеисты, я не могу отделаться от чувства, что здесь явно какая-то мимикрия. В этой связи одной из задач епархиальных отделов религиозного образования должна быть профессиональная оценка программы по «Религиоведению», вводимой в наших учебных заведениях.

Последнее, третье, направление религиозного образования — это создание православных общеобразовательных школ. Когда мы в Смоленске решили создать общеобразовательную школу-десятилетку, многие отнеслись к этому, как к фантазии. Но мы это сделали! И главное здесь не финансы, а люди. Их надо искать в школах, в институтах, научно-исследовательских учреждениях... Мы — православный народ. И давайте это помнить! Не может быть, чтобы в стране, где 80 % народа крещены в Православии, в области не нашлось бы преподавателей для одной средней школы, которая могла бы стать чисто церковной! Такие люди есть. Главное — найти энтузиастов. Священник и епископ

¹ Учебный предмет «Основы православной культуры» (ОПК) был включен Министерством образования и науки РФ в школьную программу (4-й класс средней общеобразовательной школы) в качестве федерального образовательного компонента в рамках курса «Основы духовно-нравственной культуры народов России» — сначала экспериментально (с 1.04.2010 г. в некоторых регионах страны), а с 1.09.2012 г. — во всех регионах России.

не смогут организовать школу, их задача — духовно поддерживать ее, следить за тем, чтобы она развивалась в правильном направлении. Остальное — дело мирян. Я знаю, что среди вас есть такие, которые могут стать директорами православных школ, гимназий, лицеев, детских садов. Не надо бояться, нужно смело начинать дело Божие, дабы в каждом областном городе у нас была хотя бы одна церковная общеобразовательная школа.

Одно из самых сильных для меня переживаний во время Литургии — когда я вижу детей, подходящих к Святой Чаше. И когда это происходит, то понимаю, что эти дети не потеряны, что на них мы действительно можем положиться.

Если позволите, хотел бы дать совет из нашего смоленского опыта. Когда мы создавали нашу православную гимназию, то было искушение создать сразу десятилетку, но я был категорически против этого. Начинать надо всегда с небольшого: пусть сначала появятся первый, второй, третий классы. Если мы приведем в церковную школу десятиклассников, она уже не будет православной. Подростки наверняка разрушат с трудом создаваемую систему. Надо начинать с детей младшего возраста, которые будут взрослеть в условиях церковной школы. Это будут люди, воспитанные в церковной атмосфере, а не те, кто пришел с улицы со своими привычками, пороками, своим образом жизни. Православная школа ни в коем случае не должна деградировать. И очень важно, чтобы эта школа не превратилась в гетто. Необходимо, чтобы и светские дисциплины преподавались на высоком уровне.

Еще раз от души благодарю вас за внимание и желаю помощи Божией в ваших трудах как здесь, на Рождественских чтениях, так и в вашей практической деятельности!

ЧЕРЕЗ РЕЛИГИОЗНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ — К ПРАВОСЛАВНОМУ ОБРАЗУ ЖИЗНИ

Слово на VII Международных Рождественских образовательных чтениях (Москва, 24–29 января 1999 г.)¹

25.01.1999

Постановка вопроса о цели религиозного образования представляется весьма актуальной, ибо от того, какой мы видим эту цель и как ее формулируем, в значительной мере будет зависеть стратегия нашей работы в столь важной области церковного служения.

В те времена, когда общество только освобождалось из тяжких объятий государственного атеизма, а Церковь впервые за семь десятилетий получила на первых порах небольшую, но реальную возможность развернуть систему религиозного образования, нынешняя постановка вопроса о его цели показалась бы преждевременной, ибо ближайшие, насущные задачи Церкви представлялись вполне очевидными. Для преодоления губительных последствий политики атеистической пропаганды главной заботой было научить людей вере, дать им элементарные понятия о Православии. Эта задача, полагаю, остается актуальной для Церкви донныне: слишком многие наши люди по-прежнему пребывают вне спасительной истины Христовой, слишком обильна жатва душ человеческих, собираемая ложными, агностицистскими учениями и доктринами.

Однако в строгом смысле слова научение вере есть цель катехизации, тогда как религиозное образование, на мой взгляд, должно ставить перед собою более широкий круг задач. Итак, проблема может быть сформулирована следующим образом: имеет ли религиозное образование отношение ко всему, что происходит с человеком и обществом, или смысл религиозного образования состоит лишь в преемственной передаче вероучительных истин и научении им людей? Положительный ответ на последний вопрос лишает нас возможности адекватного истолкования истоков нынешнего духовного кризиса общества и причин нравственной несостоятельности современного человека, проистекающих прежде всего из отсутствия

¹ Журнал Московской Патриархии. 1999. № 10. С. 56–65.

у большинства людей практической, живой связи между религиозным знанием и даже верой и соответствующим образом жизни, а также из недостатка какой бы то ни было религиозной мотивации решений и поступков.

Недавно я был приглашен в газету «Труд» для встречи с редакционным коллективом. Там меня спросили, почему слово Церкви не имеет в обществе того благодатного отзвука, которого ожидают столь многие. И в самом деле, Церковь полагает своим долгом перед Богом и людьми обращаться к обществу с призывами и посланиями по наиболее актуальным, животрепещущим вопросам нашей жизни; однажды она даже анафематствовала тех, кто дерзнет пролить кровь во время братоубийственного противостояния 1993 года¹, однако не была услышана.

Отвечая на этот вопрос, я счел методологически корректным обозначить три уровня проблемы: собственно слово Церкви, человек, слышащий и усваивающий это слово, и, наконец, последствия и результаты этого слышания. Внимательно проанализировав каждый из членов этой триады по отдельности и в их совокупности, мы неизбежно приходим к выводу о том, что ни один из них сегодня не лишен изъянов.

В том, что касается первого пункта, мы, священнослужители, должны самокритично признать: наше слово далеко не всегда звучит убедительно. Не согласившись с констатацией этого факта, мы не сумеем продвинуться вперед. Если же мы станем абсолютизировать значение своего пастырского послания людям и пребывать в убеждении, что все делаемое нами прекрасно, что ничего другого, кроме даваемого нами, пасомым и не требуется, то мы просто погибнем как провозвестники истины Христовой этому миру.

Напротив, мы должны ясно видеть изъяны и недостатки своего служения. Проповедующий священник призван к сугубому духовному

¹ В сентябре–октябре 1993 г. в Российской Федерации вследствие конституционного кризиса разразился внутривластный конфликт, результатом которого стали вооруженные столкновения в Москве. 1.10.1993 г. Священный Синод Русской Православной Церкви выступил с заявлением, в котором призвал все противоборствующие стороны не допустить кровопролития и предотвратить распад единства России. В заявлении также говорилось: «Властью, данной нам от Бога, мы заявляем, что тот, кто поднимет руку на беззащитного и прольет невинную кровь, будет отлучен от Церкви и предан анафеме» (Официальная хроника. Журнал Московской Патриархии. 1993. № 11–12. С. 14).

трезвению, дабы не позволять себе наслаждения собственным словом или прельстительного самоумиления, особенно когда растроганные верующие теснятся вокруг амвона, благодаря за проповедь, или когда в ответ на пастырское поучение заполненный до отказа храм согласно отзывается многоустым «Спаси, Господи!»

Избегаем же подстерегающего нас здесь душевредного самообмана, памятуя о том, что этим благочестивым восклицанием православный народ по давней традиции и в доброте сердечной отвечает всякому проповеднику вне зависимости от того, насколько хороша была его проповедь. Священник же должен оценивать успех своего проповеднического служения в зависимости от того, какие реальные изменения происходят в жизни его духовных чад под влиянием пастырского научения. И, быть может, главная наша задача сегодня состоит в том, чтобы привить духовенству, а также мирянам-катехизаторам и преподавателям религиозных дисциплин подобный взгляд на свое учительное делание.

Второй член нашей триады — человек, слышащий и воспринимающий пастырское послание. За исключением небольшого процента постоянных прихожан, регулярно посещающих храмы Божии, это люди, выросшие и сформировавшиеся вне благотворного влияния христианской нравственной традиции. При этом чаще всего они открыты слышанию слова проповедника, лично заинтересованы в отыскании и усвоении религиозной истины. Но, к сожалению, их предельно секуляризованный образ жизни, полученное ими воспитание, а также влияние сложившейся ныне в обществе системы ценностей, установок и приоритетов нередко делают этих людей лишь интеллектуально заинтересованными в слышании церковного слова, однако неспособными откликнуться на него всем своим существом. Ибо усвоение этого слова означало бы радикальное переустройство собственной жизни на принципах учения Христова, изменение взгляда на себя и на окружающий мир.

Завершающий компонент триады есть то, каким образом люди претворяют в свою жизнь слово Божие. Однажды мне довелось увидеть телепередачу «Я сама»¹. Ведущая хорошо держалась, уверенно

¹ Популярная в 1990-е годы телевизионная программа в стиле ток-шоу, адресованная в первую очередь женской аудитории.

управляла ходом дискуссии, задавала участникам обсуждения интересные вопросы. Тема передачи — существование второй, параллельной семьи в жизни женатых мужчин и замужних женщин, то есть фактическая полигамия и полиандрия, многоженство и многомужество. Я следил за ходом дискуссии и все более ужасался. В зале — обычные русские женщины. Согласно общей социологической статистике 80 % из них — крещеные. Случись в их жизни несчастье, наверняка побегут в церковь свечку ставить. Однако, рассматривая заявленную в телепередаче тему, ни одна из них не мотивировала свою позицию исходя из принципов христианской этики. Ни одна не воскликнула: «Да не с ума ли мы сошли? Ведь мы православные крещеные люди, разве этому Церковь учит нас? Разве этому учат народная мудрость, наши традиции, наша литература, опыт поколений наших предков? О чем здесь вообще говорить?» Однако большинство участников дискуссии в той или иной степени солидаризировались с идеей возможности или даже целесообразности обсуждавшейся модели жизни.

Это свидетельствует прежде всего о том, что люди крещеные, и даже расположенные к слышанию церковной проповеди, легко забывают то, что им внушается с амвона, и чаще всего не видят, каким образом переданная им истина может быть сопряжена с их собственной жизнью.

Это означает, что сегодня существует известная дистанция между словом проповедника, которое не всегда убедительно и внятно для современников, и человеком воспринимающим, который не всегда духовно и интеллектуально подготовлен к слышанию этого слова, к тому, чтобы оно вошло в состав его жизни и соделалось ее твердым основанием.

Теперь позвольте остановиться на том, в чем я вижу главную цель религиозного воспитания. Ее можно было бы сформулировать в одной фразе: укорененность в Предании.

Наше вероучение и наша церковная практика имеют своим краеугольным камнем, своей нормой и своим критерием наравне со Священным Писанием Священное Предание. Предание, преемственно полученное нами от апостолов Христовых, — это не инвентарная опись духовных ценностей, а объем веры во всей целокупности, живое собрание вероучительных и нравоучительных истин, необходимых для человеческого спасения. В Священном Предании запечатлена норма веры.

Как в Церкви выявлялась ересь? Если вероучение некоего человека или группы людей отличалось от нормы веры, содержащейся в Предании, то есть не совпадало с апостольским учением, сохраняемым в Предании — живом потоке церковной жизни, перетекающем из поколения в поколение, то было ясно, что Церковь имеет дело с еретической доктриной. Существование понятий «еретик» и «православный» возможно только в связи с идеей Предания. Поскольку есть понятие Предания как нормы, постольку возможно и отклонение от нее. Сохранение и сбережение неповрежденной нормы есть Ортодоксия, то есть Православие, а нарушение нормы и отход от нее — либо ересь, либо раскол.

Отказ протестантских конфессий от Предания как нормы веры неизбежно привел к теории и практике, согласно которым всякий уверовавший способен самостоятельно интерпретировать Священное Писание, не соотнобя эту интерпретацию с верой Церкви. Чем же все это обернулось в итоге? Известно, что «сколько голов, столько и умов». К счастью, не всякая голова занята толкованием Священного Писания, а по преимуществу только богословская. Но поскольку и таких оказалось немало, началась цепная реакция бесконечного расщепления некогда более или менее однородной протестантской доктрины сначала на крупные, а затем на все более мелкие богословские течения, школы, направления, секты и общины. Весь этот процесс закономерно вписывался в логику отказа от нормы веры, воплощенной в Священном Предании, и тем самым как бы получал высшую санкцию и оправдание.

Осознание гносеологической порочности и бесперспективности этой ситуации побудило в XIX веке некоторых инославных задуматься о том, что при подобном развитии событий протестантизм потеряет способность оказывать какое-либо нравственное влияние на западное общество. Интуитивно (а может быть, и вполне рационально) они обратились к православным с предложением начать диалог. Уже в прошлом веке наш Синод положительно откликнулся на эту просьбу, и тогда же были установлены внешние контакты Русской Церкви для свидетельства о Православии инославному миру.

Подобное свидетельство оказалось делом непростым. Однако диалог, начатый в XIX веке, продолжился в нынешнем столетии. Одним из его результатов явилось соглашение о Священстве, Евхаристии,

Крещении. Причем прогресс в поисках общего видения некоторых вопросов был налицо. Так, протестанты, в том числе и баптисты, согласились с законностью крещения детей. Ими было также признано реальное присутствие Христа в таинстве Евхаристии и многое другое, что традиционно отличало Православие от протестантизма. Казалось, все это вплотную приближало участников диалога к его успешному завершению, порождая в христианских кругах некую эйфорию.

Многие были искренне убеждены в том, что это историческое событие *близ есть, при дверех* (Мф. 24, 33; Мк. 13, 29), однако дело вдруг обернулось неожиданным образом: в протестантской среде явились новые разделения и новые лжеучения. В частности, возникла проблема так называемого женского священства. Православные богословы пытались воззвать к своим партнерам по диалогу, убеждая их не приносить плоды драгоценного для христианского единства согласия в жертву новоизмышленной идее. Однако в 1975 году на Генеральной ассамблее Всемирного Совета Церквей в Найроби протестанты заявили о своей готовности утверждать женское священство, невзирая на имеющиеся обязательства перед православными.

Эта история наглядно продемонстрировала, что достижение вероучительного соглашения с протестантами останется невозможным до тех пор, пока не найдет положительного решения основной вопрос — о Предании как норме веры. Ибо предположим, что в один прекрасный день мы придем к окончательному и всеобъемлющему урегулированию наших расхождений, согласовав общую позицию относительно Священства, Евхаристии, Крещения, апостольской веры, учения о Церкви и т.д. А на следующий день из недр протестантского богословия явится на свет Божий очередное самонаивно-вейшее лжеучение — и все достигнутые договоренности в одночасье обратятся в прах, соделавшись как бы не бывшими. Такое развитие событий более чем реально, ибо в тех протестантских общинах, где понятие нормы веры отсутствует, каждый наделяется правом мудрствования, плоды которого принимаются остальными на основании простого критерия достаточной убедительности. Справедливости ради следует отметить, что многие протестанты, осознавая очевидную уязвимость подобной практики, пытаются обрести утраченное в их вероучении Предание путем созидания своего собственного предания.

Оно не во всем совпадает с Преданием Неразделенной Церкви, то есть с православным Преданием, но эта тенденция внутри протестантизма по крайней мере противостоит стремлению вытеснить саму память о Священном Предании Церкви своевольным человеческим лже-мудрствованием. Все это имеет самое непосредственное отношение к нашей сегодняшней теме. Ибо исследование природы неудач в процессе так называемого экуменического диалога, равно как и анализ методологических просчетов, должны помочь нам в решении в том числе и собственных внутрицерковных задач.

Итак, отсутствие нормы веры всегда неизбежно приводит к появлению иных норм и иных стандартов. Стоит отойти от нормы Предания, под которым понимается апостольская вера во всей ее полноте, укорененная и сохраненная в Церкви, стоит отступить от этого универсального правила веры и жизни, как явится соблазн подпасть под власть иных, ложных норм. Современное протестантское богословие являет пример господства одной из таких норм над нормой апостольского Предания.

Норма эта, будучи даже не в полной мере христианской, достаточно жестко детерминирует современное протестантское богословие. Уже в XVII–XVIII веках, в эпоху Просвещения, на Западе стала развиваться так называемая либеральная идея. Люди, знакомые с историей философии, хорошо осведомлены об этом феномене, и потому я ограничусь обозначением лишь важнейших этапов формирования либеральной доктрины.

Идея освобождения человека, вызревавшая в лоне определенных социальных групп, нередко бывала сопряжена с революционными процессами, с борьбой против государственной власти в странах Западной Европы, а впоследствии и в России.

Таким образом, в качестве фундаментальной проблемы постулировалась несвобода человеческой личности, закабаленной структурами и институтами государства, социальным устройством, общественными предрассудками и условностями. Следовательно, индивидуума нужно было освободить, ибо он, индивидуум, и есть абсолютная и конечная ценность. Понятно, что имени Божию в этой картине мира места не оказалось. Явился так называемый светский гуманизм, в основу которого была положена атеистическая идея. В центр вселенной был помещен человек как мера всех вещей.

Языческое происхождение этого антропоцентрического комплекса идей, утвердившихся в культуре Западной Европы в эпоху Возрождения, вполне очевидно. Ведь именно авторитетом Ренессанса освящена концепция антропоцентричности мироздания, в которой средоточием бытия и социума полагается индивидуум. Таким образом, вместе с возрождением языческой культуры происходило возвращение к языческой этике и языческому мирозерцанию. Что же до западного христианства, то оно, приняв постулат о личной свободе человека как высшей ценности его земного бытия, содействовало формированию либеральной идеи, сочетавшей таким образом христианское и языческое начала. Определенное влияние оказала также достаточно авторитетная в образованных западноевропейских кругах иудейская богословская мысль, пришедшая из Испании вместе с еврейской эмиграцией в Голландию и сопредельные страны. К XIX веку практически сформировалось то, что можно назвать либеральным стандартом.

Современный протестантизм, отвергая Предание как норму жизни, одновременно придает огромное значение либеральной идее, заимствуемой из светской системы ценностей. Как поступают протестантские богословы, когда в их сознании вступают в противоречие основополагающая для христианской веры норма Предания и современный либеральный стандарт? Они отдают предпочтение последнему. Вот генезис истории о женском священстве в самом кратком историко-культурологическом изложении. Когда православных спрашивают, почему они не рукополагают женщин, те отвечают, что подобное выходит за рамки Предания и апостольской веры. Протестанты возражают, ссылаясь на то, что всякая традиция обусловлена конкретными культурно-историческими условиями, а в наши дни отказ от рукоположения женщин якобы принимает форму их дискриминации. Ведь как и всякий человек, женщина равна в правах с другими людьми, свободна по определению и, следовательно, должна в полной мере обладать способностью пользоваться плодами этой свободы. Первоначально мы пытались вести полемику с протестантами на уровне и в формах богословского дискурса, однако скоро убедились в том, что получается диалог глухого с немым. Не далее как в прошлом году во время одного из диалогов я позволил себе осведомиться у протестантских собеседников, чем они руководствуются, превознося секулярную идею либерального стандарта над законом

и нормой христианского Предания. Ибо рукоположение женщин есть не что иное, как практическое осуществление принципа прав человека в области иерархического устройства христианской общины. Один очень симпатичный и прекрасно относящийся к России немецкий пастор, смутившись, сказал: «Владыка, неужели вы всерьез думаете, что мы рукополагаем женщин, руководствуясь идеей прав человека, а не следуя Священному Писанию?» Я ответил: «А где же в Священном Писании можно отыскать санкцию на подобное деяние? Зато оно всецело отвечает букве и духу либерального западного стандарта прав и свобод человека».

И наконец, два слова о так называемом экуменическом движении, отношении к которому ныне столь неоднозначно. Всем известно, сколько всего говорится и пишется об экуменизме, какие невероятные мифы творятся на наших глазах, какие обвинения во всех мыслимых ересях раздаются в связи с участием Русской Православной Церкви в диалоге с христианами иных конфессий.

Мы вошли в это движение в надежде, что инославные, искавшие пути к восстановлению христианского единства, обретут утраченную норму Предания Древней Неразделенной Церкви. Русская Православная Церковь уже в XIX веке, после продажи Аляски, в лице первенствующего члена Святейшего Правительствующего Синода митрополита Санкт-Петербургского и Новгородского Исидора¹ ответила на призыв главы Епископальной Церкви вместе решать пастырские проблемы. Митрополит Исидор письменно засвидетельствовал готовность Русской Церкви вступить во взаимопользительный межхристианский диалог. Несколько позже были созданы специальные богословские комиссии, которые вели диалог со старокатоликами и англиканами, а впоследствии труды на этой ниве получили благословение и одобрение Святейшего Патриарха Тихона. Когда сегодня некоторые авторы нагнетают истерию вокруг экуменического диалога, следует твердо помнить, что все это пишут люди, враждебные русскому Православию и фальсифицирующие его историю с единственной

¹ Митр. Новгородский, Санкт-Петербургский и Финляндский Исидор (Никольский) (1799–1892), руководил работой по переводу книг Священного Писания на русский язык на завершающем ее этапе (1860–1877), переводил на русский язык творения святых отцов.

целью — оклеветать Священноначалие, посеять злые семена нестроений и мятежей внутри церковной ограды. История же беспристрастно свидетельствует об ином. Русская Церковь сознательно и свободно вступила в диалог с инославием, принимая тем самым ответственность за свидетельство о Православии в неправославной среде. Достаточно упомянуть, что Поместный Собор 1917–1918 годов принял по этому поводу соответствующее официальное решение.

В XX столетии наш диалог с инославными в силу исторических причин пресекся на несколько десятилетий и вновь возобновился лишь 50 лет назад. Подобная дата побуждает к подведению итогов. Они, увы, не очень утешительны. Причина этого в том, что темой обсуждения неизменно становились важные, но отдельные вероучительные вопросы, тогда как следовало начинать с общего совместного признания нормативного значения Предания Древней Неразделенной Церкви эпохи Семи Вселенских Соборов. Теперь, на исходе XX века, мы вполне осознали тот факт, что с точки зрения методологии, основной и принципиальной составляющей нашего диалога с инославием должно полагать вопрос о норме веры. Трагедия современного западного протестантизма заключается именно в том, что норма веры легко подменяется и вытесняется либеральным стандартом, ныне признаваемым в качестве абсолютной цивилизационной ценности и зафиксированным в различных международных документах, трактующих о правах и свободах человека.

Говоря об этом, я не хотел бы быть понятым таким образом, что все эти документы плохи. Вовсе нет. Ибо существуют проблемы, которые невозможно решить, основываясь на исторической или культурной традиции одного или даже нескольких народов. Таковы, например, международные дела. Если мы почему-либо вздумаем настаивать на том, что критерием в них должны быть православная вера и национальные русские обычаи (что, разумеется, было бы идеально для нас), то тогда мы вынуждены будем признать аналогичное право и за Папуа-Новой Гвинеей, и за США, и за всеми другими. Иными словами, поскольку мировое сообщество и международные отношения не могут зиждиться на какой-то одной политической или религиозной концепции, на чьих-то узких национальных интересах, некий общеприимный консенсус не только возможен и допустим, но и необходим. Важно лишь, чтобы эта идея многостороннего согласия не

разрушала идентичности национальной духовно-религиозной и культурной жизни его участников.

Вспомним теперь, как развивались события в связи с принятием в России нового закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»¹. Запад дружно выступал против этого закона, требуя от Кремля заблокировать его прохождение. Что же случилось и почему именно эта проблема вызвала такую негативную и согласованную реакцию Запада? Причина в том, что наш Закон о свободе совести был воспринят как не соответствующий либеральным стандартам прав человека. В сущности, от России почти в ультимативной форме требовали приведения национального закона о свободе совести в соответствие с международными, а фактически западными, стандартами. Но возникают вопросы: почему мы, православные, не можем жить по крайней мере в своем доме в согласии со своей традицией? Насколько возможна унификация всего мира в соответствии с единой для всех культурно-цивилизационной нормой, порожденной западным либерализмом? Реальна ли такая унификация без ущерба для самобытности народов, для их культурной и религиозной жизни?

Представляется, что одной из основных проблем конца XX века является вопрос соотношения либерального и традиционного начал. Мировоззренческая трагедия России после 1992 года есть проблема непонимания важности этого соотношения. Бесконечные политические и экономические катаклизмы, истощающие наше Отечество, проистекают именно от неспособности отделить овец от козлиц (Мф. 25, 32), дабы окончательно уяснить, что либеральный стандарт, уместный и полезный в качестве инструмента компромисса и согласия в сфере международной жизни, не может почитаться абсолютным законом в случаях, когда речь идет о национальной культурно-исторической самобытности народов и жизни конкретных людей. Нельзя подчинить ему в полной мере и национальное законодательство. Поэтому так важно, чтобы и правители, и общественность нашей страны осознали свое право строить жизнь в соответствии с нашей собственной духовно-культурной традицией.

¹ Речь идет о Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 г., № 125-ФЗ.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЫСТУПЛЕНИЯ НА РОЖДЕСТВЕНСКИХ
И ИНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЧТЕНИЯХ

<i>Международные Рождественские образовательные чтения</i>	
Слово на III Международных Рождественских образовательных чтениях. 23.01.1995	3
Через религиозное образование — к православному образу жизни. Слово на VII Международных Рождественских образовательных чтениях (Москва, 24–29 января 1999 г.), 25.01.1999	13
Роль религиозного образования в формировании образа жизни человека. Слово на VIII Международных Рождественских образовательных чтениях (Москва, 23–28 января 2000 г.), 24.01.2000	28
Церковь и мир — Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. Слово на IX Международных Рождественских образовательных чтениях (Москва, 21–27 января 2001 г.), 22.01.2001	43
Взрыва страны не получилось. Слово на XI Международных Рождественских образовательных чтениях (Москва, 26 января — 1 февраля 2003 г.), 27.01.2003	62
Внешнее служение Русской Православной Церкви. Слово на XII Международных Рождественских образовательных чтениях (Москва, 24–31 января 2004 г.), 27.01.2004	74
Единая Церковь — единое свидетельство. Слово на XIII Международных Рождественских образовательных чтениях «Школа, семья, Церковь — сотрудничество во имя жизни» (Москва, 23–29 января 2005 г.), 24.01.2005	92
Духовное образование: современные вызовы и пути их преодоления. Слово на XIV Международных Рождественских образо-	

вательных чтениях «Школа и Церковь — традиции и реформы образования» (Москва, 30 января — 4 февраля 2006 г.), 31.01.2006	104
Религиозное воспитание в эпоху постмодерна. Доклад на XV Международных Рождественских образовательных чтениях «Вера и образование: общество, школа, семья в XXI веке» (Москва, 28 января — 2 февраля 2007 г.), 30.01.2007	134
Вера и образование. Выступление на XVI Международных Рождественских образовательных чтениях «Православные ценности и современное образование» (Москва, 27 января — 2 февраля 2008 г.), 30.01.2008	141
Слово на открытии XVII Международных Рождественских образовательных чтений «Наука, образование, культура: духовно-нравственные основы и пути развития» (Москва, 15–17 февраля 2009 г.), 15.02.2009	154
Слово на открытии XVIII Международных Рождественских образовательных чтений «Практический опыт и перспективы церковно-государственного сотрудничества в области образования» (Москва, 25–29 января 2010 г.), 25.01.2010	161
Слово на открытии XIX Международных Рождественских образовательных чтений «Церковь и государство: сотрудничество в решении общих задач» (Москва, 24–26 января 2011 г.), 24.01.2011	172
Доклад на XX Международных Рождественских образовательных чтениях «Просвещение и нравственность: забота Церкви, общества и государства» (Москва, 23–25 января 2012 г.), 23.01.2012	181
Доклад на открытии XXI Международных Рождественских образовательных чтений «Традиционные ценности и современный мир» (Москва, 24–27 января 2013 г.), 24.01.2013	191
Доклад на открытии XXII Международных Рождественских образовательных чтений «Преподобный Сергий. Русь. Наследие, современность, будущее» (Москва, 27–29 января 2014 г.), 27.01.2014 ..	200
<i>Иные образовательные чтения</i>	
Доклад на V юбилейных Свято-Елисаветинских чтениях, посвященных 140-летию со дня рождения преподобномученицы Елисаветы Феодоровны, 1.11.2004	208

Приветствие организаторам и участникам V Мeneвских чтений «Протоиерей Александр Мень и его время», 10.09.2010	216
Приветствие участникам I Московских образовательных чтений, посвященных 700-летию со дня рождения преподобного Сергия Радонежского (Москва, 22–25 октября 2013 г.), 22.10.2013	217

БОГОСЛОВСКИЕ СТАТЬИ

К вопросу происхождения диаконата, 1975	218
К вопросу о реконструкции Кирилло-Мефодиевского перевода Священного Писания, 25.11.1980	229
Из статьи «Особенности развития русского богословия», 1987 . .	243
Святитель Николай, архиепископ Мир Ликийских, чудотворец, в русском религиозном сознании, 1998	247
Тайна Божественной жизни, 2009	255

ВЫСТУПЛЕНИЯ НА БОГОСЛОВСКИХ КОНФЕРЕНЦИЯХ И ИНЫХ СОБРАНИЯХ

Свидетельство и служение. Основной доклад на X Генеральной ассамблее СИНДЕСМОСа (Новый Валаам, 6–10 августа 1980 г.), 6.08.1980	261
Процесс преодоления схоластических влияний в русском богословии. Доклад на Международной церковно-научной конференции «Богословие и духовность» (Москва, 11–18 мая 1987 г.), 12.05.1987	279
К экологии духа. Доклад на Европейской екуменической ассамблее «Мир и справедливость» (Базель, 15–21 мая 1989 г.), 15.05.1989	311
Выступление на Международной конференции «Апостол Павел и опасность самоуничтожения» (Кишинев, 8–15 октября 1994 г.), 10.10.1994	338
Традиции перевода Библии. Вступительное слово на конференции «Перевод Библии: лингвистические, историко-культурные и богословские аспекты» (Москва, 28–29 ноября 1994 г.), 28.11.1994	344
Преодолеть разрыв между богословием и жизнью. Выступление в Отделе внешних церковных связей, 22.07.1998	349

Русская Православная Церковь на пороге третьего тысячелетия. Доклад на VII Международной конференции по русской духовности (Спасо-Преображенский монастырь в Бозе (Италия), 15–18 сентября 1999 г.), 16.09.1999	358
Норма веры как норма жизни: проблема соотношения между традиционными и либеральными ценностями в выборе личности и общества. Выступление на богословской конференции «Православное богословие на пороге третьего тысячелетия» (Москва, 7–9 февраля 2000 г.), 9.02.2000	372
Богословие соединить с жизнью. Выступление на совместном заключительном заседании конференций: «Реформа системы духовного образования Русской Православной Церкви» и «Взаимодействие государства и религиозных объединений в сфере образования» (Сергиев Посад, 11 октября 2002 г.), 11.10.2002	391
Соборность и демократия. Доклад на научно-практической конференции «Соборность, земство, демократия» (Смоленск, 3–5 декабря 2003 г.), 3.12.2003	404
Богословие должно быть актуальным. Из выступления на Международной богословской конференции «Пути развития русской богословской школы в XXI веке: проблемы и перспективы» (Смоленск, 15–16 октября 2005 г.), 16.10.2005	415
Замысел Божий о человеке и свобода воли: эсхатологическая перспектива. Из выступления на Международной богословской конференции «Эсхатологическое учение Церкви» (Москва, 14–17 ноября 2005 г.), 14.11.2005	429
Святитель Филарет Московский и библейская традиция. Доклад на Филаретовском вечере в Московской духовной академии, 2.12.2005	440
Подвиг святого Пантелеимона в контексте восприятия мученичества древней Церковью. Доклад на конференции «Почитание святого великомученика и целителя Пантелеимона и русско-афонские связи (к 1700-летию блаженной кончины вмч. Пантелеимона)» (Москва, 15 декабря 2005 г.), 15.12.2005	449
Принципы церковной науки и их воплощение в творчестве А. А. Дмитриевского. Выступление на церковно-научной конференции «Историк православного Востока и русской Палестины (к 150-летию со дня рождения секретаря Императорского православного палестинского общества А. А. Дмитриевского)» (Москва, 23 марта 2006 г.), 23.03.2006	456

Выступление на Международной научно-богословской конференции «Россия–Афон: тысячелетие духовного единства» (к 450-летию преставления прп. Максима Грека) (Москва, 1–4 октября 2006 г.), 2.10.2006	460
Выступление на конференции «Жизненный путь и наследие митрополита Евлогия (Георгиевского)» (Москва, 1 декабря 2006 г.), 1.12.2006	465
Выступление на церковно-научной конференции «Империя, Церковь, культура: семнадцать веков с Константином (к 1700-летию восхождения на престол святого равноапостольного императора Константина Великого)» (Москва, 22–23 декабря 2006 г.), 22.12.2006	469
Игумен Даниил и его «Хождение» в русской церковной традиции. Доклад на Международной научно-церковной конференции «“Дабы не в забыть было то, что показал мне Бог”: Хождение игумена Даниила в истории Русской Церкви и культуры (1107–2007)», посвященной 900-летию хождения во Святую Землю черниговского игумена Даниила (Москва, 29–30 марта 2007 г.), 29.03.2007	475
Свет Христов и Церковь. Выступление на III Европейской межхристианской ассамблее «Свет Христов просвещает всех. Надежда на обновление и единство в Европе» (Сибиу, Румыния, 4–9 сентября 2007 г.), 5.09.2007	481
Выступление на открытии конференции «Церковная жизнь» в рамках церковно-общественной выставки-форума «“Православная Русь” — ко Дню народного единства» (Москва, 1 ноября 2007 г.), 1.11.2007	489
Выступление на Международной богословской конференции Русской Православной Церкви «Православное учение о церковных Таинствах» (Москва, 13–16 ноября 2007 г.), 16.11.2007 ..	494
Выступление на пленуме Синодальной богословской комиссии Русской Православной Церкви, 4.05.2009	501
Слово на открытии VI Международной богословской конференции Русской Православной Церкви «Жизнь во Христе: христианская нравственность, аскетическое предание Церкви и вызовы современной эпохи» (Москва, 15–18 ноября 2010 г.), 15.11.2010	509

Приветствие участникам XVII Международной научной конференции «Духовное отцовство по учению святого апостола Павла» (Верия, Греция, 26–29 июня 2011 г.), 26.06.2011	517
Приветствие участникам XIX Международного симпозиума по православной духовности «Слово Божие и духовная жизнь в православной традиции» (Бозе, Италия, 7–10 сентября 2011 г.), 7.09.2011	519
Приветствие участникам XX Международного симпозиума по православной духовности «Человек — домоправитель творения Божия» (Бозе, Италия, 5–8 сентября 2012 г.), 5.09.2012	520
Выступление на открытии VII Международной богословской конференции «Современная библеистика и Предание Церкви» (Москва, 26–28 ноября 2013 г.), 26.11.2013	522
Из слова на заключительном пленарном заседании VII Международной богословской конференции «Современная библеистика и Предание Церкви» (Москва, 26–28 ноября 2013 г.), 28.11.2013	527
Предисловие к книге «На пути к литургическому возрождению», 2001	529
Обращение к читателям книги «Православное учение о церковной иерархии», 2012	530

Патриарх Московский и всея Руси КИРИЛЛ

Собрание трудов

Серия III

БОГОСЛОВИЕ

И ДУХОВНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

Том 1

Под общей редакцией Главного редактора
Издательства Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
протоиерея Владимира Силовьева

Редакторы Е. С. Полищук, В. А. Скрябина
Технический редактор З. С. Кондрашова
Корректор А. О. Скрябина
Верстка М. А. Алимбиев

Подписано в печать 05.11.2014. Формат 70×100/16. Объем
34,0 печ. л. + фронтиспис (0,125 печ. л.) Печать офсетная. Заказ
№ 107386. Издательство Московской Патриархии Русской Пра-
вославной Церкви. 119435, Москва, ул. Погодинская, д. 18

Оптовый отдел реализации: (499) 246-20-85, 246-52-08

Магазин на ул. Погодинской: (499) 245-30-68

Магазин на ул. Бакунинской: (499) 246-25-35

E-mail: books@rop.ru. *http://www.rop.ru*

Отпечатано: SIA "PNB Print"
«Янсили», Силакрогс, Ропажский район,
Латвия, LV-2133. www.pnbprint.eu